

ЛЕВ БРАНДТ

Браслет Второй

ПАЛЪМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 2

УДК 82-93
ББК 84(2Рос-Рус)6
Б87

Брандт Л.

Б87 Браслет Второй : [повесть] / Лев Брандт. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2022. — 125 с. — (Серия «Пальмира — природа»).

ISBN 978-5-517-08581-8

Повесть известного писателя Льва Брандта о рысаке-чемпионе, звезде ипподрома, которому в годы войны пришлось стать гужевой лошастью и возить снаряды. Впервые опубликована в 1936 году.

УДК 82-93
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-08581-8

© Брандт Л. В., наследники, 2022
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Его мать в молодости была признанной красавицей. Остатки красоты она сохранила, даже перешагнув во вторую половину жизни. Правда, многократное материнство отразилось на ней сильно: она потучнела, раздалась, движения ее утратили упругость и гибкость, но тонкие, точеные ноги, лебединая шея и маленькая головка с двумя огромными темно-кариими глазами говорили о породе.

Она была очень знатного рода, ее родословная пестрит именами историческими. Горностай, Любезный, Лебедь — и так до родоначальника русской рысистой породы Барса Первого, внука знаменитого араба Сметанки. Отец жеребенка, Браслет Первый, — блестящий ипподромный боец и прямой потомок рекордистов.

Браслет Второй родился ночью. Он долго лежал без движения, как мертвый, растянувшись на мягкой соломе среди денника.

Старая Злодейка, облизав сына, стояла над ним, не спуская с жеребенка влюбленных глаз. В этих глазах светилось столько материнской радости и ласки, что казалось — в глубине их горят, не мигая, теплые ровные огоньки.

Когда в денник стал пробиваться зимний рассвет, жеребенок поднял голову. Два мутных, без всякого выражения, глаза тупо, не мигая, уставились в окно. Через полминуты, словно не найдя ничего интересного, жеребенок устало уронил голову и закрыл глаза. Немного погодя он в первый раз попытался встать. Злодейка радостно закивала головой и поощряюще, ласково заржала.

Жеребенок вытянул шею, приподнялся, подался вперед и, запутавшись в собственных ногах, рухнул на солому. Отдохнув, он еще раз попытался подняться, но и на этот раз встать не удалось: опять подвели ноги. Они делали совсем не то, что требовал их обладатель. Только пятая или шестая попытка увенчалась успехом. Жеребенок, пошатываясь, стоял среди денника, с трудом удерживаясь на разъезжающихся во все стороны ногах.

Теперь обнаружилось, что ноги были ему явно не впору. Непомерно толстые и длинные для его небольшого туловища, они казались чужими, случайно представленными. Но, хотя жеребенок выглядел жалким и неуклюжим, он успел понравиться не только одной матери. Через решетку в дверях денника им давно уже любовался конюх Василий, пожилой мужчина со строгими чертами лица и с большой, с проседью, темной бородой.

Как только жеребенок встал на ноги, Василий осторожно вошел в денник. Злодейка захрипела и угрожающе прижала уши.

— Ладно, ладно, не тревожься, цел будет, не трону, — успокаивал он кобылицу.

Злодейка злым, настороженным взглядом следила за каждым движением Василия. От недавнего ласкового, ленивого покоя не осталось и следа. Она стояла сжав-

шись, подобрав мускулы и напряженно, нервно вздрагивала. Глаза сузились, и в них замелькали злые зеленоватые огоньки. Каждую минуту Злодейка могла броситься на человека. Тот, глядя в сторону, медленно приблизился к ней и протянул кусок сахара. После небольшого раздумья концами губ кобыла взяла сахар. Конюх долго оглаживал ее.

Злодейка постепенно обмякла, успокоилась, и в глазах ее опять затеплились ласковые желтоватые огоньки. Она хрупала сахар и терлась головой о плечо Василия, который осторожно, шаг за шагом приближался к жеребенку. Кобыла не протестовала. Подойдя вплотную к жеребенку, Василий сунул ему в рот палец. Жеребенок быстро зачмокал мягкими, теплыми губами. Тогда другой рукой Василий подтолкнул его под живот матери к самым соскам и отнял палец. Жеребенок потянулся следом, и теплое, душистое молоко полилось ему в рот.

Широко расставив негнущиеся ноги, жеребенок жадно тянул вкусную, душистую жидкость. Куцый, похожий на щетку для чистки керосиновых ламп, хвост раскачивался, как маятник.

— Хороший жеребенок, — сказал вслух Василий, стоя у двери и любуясь Браслетом.

— От Злодейки плохого не будет, — громким шепотом раздалось за его спиной.

Василий вздрогнул и обернулся. В коридоре, уцепившись руками за решетку денника, на двери повис конюх Сенька.

— Чего тебя раньше времени принесло?

Раскрыв рот до ушей, Сенька, сияя, глядел на вертящийся хвост, не удостаивая Василия ни взглядом, ни ответом.

— Василий Титыч, — наконец обратил на него внимание Сенька.

— Ну? — недовольно отозвался тот.

— Сразу видать, что классный будет, — указывая на жеребенка, зашептал Сенька.

— Уходи ты от греха, — гнал Василий Сеньку. — Кобылу растрепожешь, молоко пропадет.

— Я еще вчера заметил, что она беспокоится, — пропуская замечание мимо ушей, продолжал Сенька.

— Сам ты беспокойный! — рассердился Василий. — И в кого ты такой уродился, в прадеда, что ли, Семена Мочалкина? — задавал себе вопросы Василий. — Мировой наездник был. На самом Барсе Первом ездил.

Сенька не отвечал.

— Василий Титыч, глядите, весь в Злодейку, — ткнул он пальцем в жеребенка. — И масть тоже, кажись, серая.

Василий, уставившись на Сеньку, молча его разглядывал, словно в первый раз увидев, потом проговорил:

— Крепкая ваша мочалкинская кровь. В пятое колено передается, — пробормотал он и добавил, кивнув в сторону жеребенка: — Гнедой будет, весь в отца. И голова отцовская. По отцу и назван — Браслет Второй.

Сенька уже не улыбался. Растянутое широкой улыбкой лицо сжалось и от этого стало еще меньше. Маленькие, приютившиеся у самой переносицы глазки по-новому, недоверчиво и подозрительно, смотрели на жеребенка. Убедившись, что Василий сказал правду, Сенька отошел от денника.

Браслет I — единственная лошадь, которую Сенька не любил и боялся.

Пять лет назад этот жеребец убил во время проминки заводского наездника и тренера Григория Мочалкина, отца Сеньки.

Каждый год двадцать третьего апреля, в день Георгия-великомученика, наступал торжественный час. Матки с новым приплодом выходили первый раз в поле.

На рассвете около маточного отделения собралось все население завода. Пришел хозяин в сопровождении священника. Последним появился верхом на белом от старости мерине Сенька, — ему недавно стукнуло четырнадцать. Сознание важности сквозило во всей его фигуре, от кончика носа до черных, как у негра, босых пяток.

Даже очень требовательный коннозаводчик Лысухин теперь им доволен. «Кровь не вода; из этого мальчишки выйдет толк», — говорил он, наблюдая, как Сенька без страха входил в любой денник и самые строгие и обозленные лошади охотно подставляли бока под его щетку.

В этом году Сеньке доверили пасти табун маток с жеребятами. Оставив мерина посреди двора и убедившись, что все в сборе, Сенька командует: «Открывать!» Широкий двор окаймлен конюшнями. Тяжелые дубовые ворота конюшен распахиваются, прежде чем замерла команда. В просветах широких ворот видны открытые денники и в них ряды маток с жеребятами. Кобылы стоят головами к выходу и терпеливо ждут. Если бы не легкая дрожь да необыкновенно широко открытые, блестящие глаза, можно было бы подумать, что они совершенно равнодушны к предстоящему событию.

Сенька засовывает два пальца в рот и оглашает двор пронзительным свистом.

Свистит Сенька мастерски, замысловатыми коленцами и переливами.

Матки вздрагивают и одна за другой выходят на двор. Жеребята бестолково мечутся у их ног.

Кобылы втягивают пряный весенний воздух и громко, радостно фыркают. Они еще держатся отдельными табунками, каждая у своей конюшни.

На середину двора к блестящему аналою мелкой рысцей трусит деревенский священник.

Василий кладет на аналой икону великомученика Георгия Победоносца. Сенька медленно разматывает длинный бич и быстрым рывком выбрасывает в сторону руку. Бич извивается змеей и оглушительно щелкает над самой головой священника. Батюшка вздрагивает, приседает и недружелюбно посматривает на пастуха.

Кобылы сгрудились в один большой табун. Начался молебен. Проглатывая концы, священник гнусавит малопонятные слова. Первый ряд маток стоит перед самым аналоем. Старые, опытные кобылы, пользующиеся уважением в табуне, стоят в этом ряду. Они задумчивыми, влажными глазами смотрят на священника в блестящей парчовой ризе и в такт его возгласам раскачивают головами. Дальше матки помоложе. Здесь уже меньше покоя. Кобылы поминутно задирают головы кверху и с громким храпом тянут влажный, густо сдобренный ладаном воздух.

У самых конюшен, сзади, кобылы сбились в нестройную кучу. Они сильно отличаются от стоящих впереди: ярче блестят глаза и торопливее, резче движения. Тела их стройны, и из-под кожи проступают не успевшие окончательно заплыть заводским жиром мускулы. Жеребята под ними выглядят случайными и чужими.

Это — молодежь. Кобылицы, впервые ставшие матерями. Их тела хранят еще следы ипподромной трени-